

лежит к числу наиболее популярных и распространенных как в западноевропейском, так и в славянском, в частности русском, фольклоре. При этом «идеализация младшего брата типична для русской сказки еще в большей степени, чем для западноевропейской».³

Можно сказать, что сказочный сюжет о младшем воспринят «Гисторией» в его классической форме, предполагавшей, по словам Е. М. Мелетинского, идеализацию младшего, изгнание, оставление героя завистливыми старшими братьями в «ином царстве», где он достигал сказочной цели.⁴

Но связь «Гистории» с фольклором не ограничивается использованием только готовой сюжетной канвы. Родство со сказкой распространяется также на отдельные частные мотивы, а главное, на идейное содержание «Истории». При этом устно-поэтическая стихия явственнее проступает в той версии повести, которая представлена барсовским списком.

Так, весь эпизод о болезни и смерти отца, о разделе наследства между сыновьями выполнен в «Истории» о Декоренце на основе волшебных сказок.

Связь со сказкой в данном случае лежит на поверхности и не требует особых доказательств. Портрет выполняет здесь ту же функцию, что и «золотой досканец» (т. е. ящичек, ларец), который фигурирует, например, в «Пересмешнике» М. Попова, в сказке о Силославе.⁵

Специфически сказочным в повести о Декоренце является также прием противопоставления младшего из трех братьев старшим по их отношению к памяти умершего отца. Декоренц свято чтит память покойного родителя, он преисполнен «жесточайшей печали» и потому «никуда, ни в какие банкеты . . . в веселые забавы не ходил», но «через весь год каждый день ходил для поклонения на гроб отца своего» (Б, л. 12). Зато у старших память о покойном отце слишком коротка: они предаются развлечениям. Аналогичное противопоставление ведется в сказках о младшем. Так, например, в сказке № 180 из сборника Афанасьева говорится о том, что все трое сыновей обещали отцу исполнить его просьбу — ходить к нему «на могилу читать». Когда же пришло время поминок, на могилу идет только младший, а старшие отказываются.⁶

В другом случае: старшие в первую же ночь, когда одному из них надо было отправиться на могилу к отцу, зазвали к себе полную хату гостей, «пить та банкетуют», а младший побрел молча к отцу.⁷

Здесь уместно обратить внимание и на прямую переключку между замечаниями книжника о младшем, который «ни в какие банкеты . . . веселые забавы не ходил», со словами сказки о старших: «пить та банкетуют» вместо того, чтобы печалиться и скорбеть.

Кстати, и на этом примере мы можем еще раз констатировать, что фольклорные приемы и краски, находящие себе соответствие в русских сказках, отчетливее выявлены в списке Б; в «Истории» о Декоронии ничего не говорится ни о посещении могилы отца младшим, ни о его воздержании от участия в «банкетах» и веселиях.

Но не только в сюжете, в разработке отдельных мотивов и деталей следовали за сказкой составитель повести и ее переписчики, они находились под воздействием самого ее духа и смысла. Сказки «о невинно гонимых» отличались особенно глубоким социальным и демократическим со-

³ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958, стр. 135.

⁴ Там же, стр. 153.

⁵ М. Попов. Пересмешник, или славенские сказки, ч. I. СПб., 1770, стр. 143—144.

⁶ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. II. ГИХЛ, 1957, стр. 6.

⁷ Там же, № 84.